

А. И. КОРНЕЕВА

Критика неопозитивистских взглядов на природу познания

<Фрагменты>

Очень часто обращается к науке философ, весьма авторитетный среди ученых и философов капиталистических стран, — Бертран Рассел. Под прикрытием научных понятий и ссылок на науку он также проводит субъективный идеализм, сводит предмет познания к чувственным восприятиям, к ощущению и все это преподносит как нейтральный монизм. Рассел, собственно, в несколько другой форме высказывает то, что более завуалированно преподнес С. Л. Франк.

Из множества, написанного Расселом (представляют наибольший интерес в этом отношении его последние работы, особенно книги «Человеческое познание» и совсем недавно вышедшая «Мое философское развитие», где он уточняет свои прежние воззрения.

Рассматривая современные физические теории, Рассел в работе «Человеческое познание» говорит: «Обычный мир, в котором, как мы уверены, мы живем, есть конструкция отчасти научная, отчасти же донаучная»*. И, как бы продолжая эти рассуждения в работе «Мое философское развитие», он пишет: «Мир, о котором мы говорили до сих пор, является целиком выводным миром. Мы не воспринимаем род сущностей, о которых физика рассказывает, и если именно из таких сущностей состоит физический мир, то мы не видим глаз или оптический нерв, ибо глаз и оптический нерв одинаково, если можно верить физике, состоят из необычных гипотетических сущностей, с которыми теоретический физик пытается нас познакомить. Однако эти сущности, поскольку они обязаны своей правдоподобностью выводам, определяются только в такой степени, в какой необходимо заставить их выполнять цель извлечения выво-

---

* Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. М., 1957. С. 42.

да. Нет необходимости предполагать, что электроны, протоны, нейтроны, мезоны, фотоны и т. п. имеют этот род простой реальности, которая принадлежит к непосредственным объектам опыта. В лучшем случае они имеют сорт реальности, что принадлежит к слову “Лондон”. “Лондон” является удобным словом, но каждый *факт*, который отмечается путем использования этого слова, мог быть отмечен, хотя более громоздко, без использования его. Однако имеется различие и очень важное различие между Лондоном и электронами; мы можем видеть различные части, из которых составляется Лондон, и, действительно, части являются непосредственно более известными нам, чем целое. В случае электрона мы не воспринимаем его, и мы не воспринимаем что-либо, что мы знаем, как составную часть его. Мы знаем его как гипотетическую сущность, выполняющую определенные теоретические цели. Что касается теоретической физики, то любое, что выполняет эти цели, может быть взято как электрон. Он может быть простым или сложным; и если сложным, то он может быть построен из любых компонентов, что допускает результирующую структуру, имеющую требуемые свойства. Все это применяется не только к неживому миру, но одинаково к глазам и к другим органам чувств, нервам и мозгу»^{*}.

Из приведенного можно видеть, как Рассел все микрочастицы сводит к гипотетическим сущностям, которые служат ученому только для создания физических теорий, за которыми нет ничего объективного. Они для Рассела выступают пустыми понятиями, конструкциями, выдуманными ученым ради удобства. Если согласиться с ним, то можно прийти к выводу, что современная физика, которая занимается прежде всего микрочастицами и их взаимопревращаемостью, представляет собой фикцию, произвольное изобретение ума физика и математика.

Естественно, у читателя работ Рассела возникает вопрос: для чего нужна такая теория, которая ничего не объясняет?

Рассел пытается дать ответ на подобные вопросы. Он полагает, что имеются два типа знания: выводное знание, которое и составляет содержание науки, и непосредственно данное знание. По его мнению, физика целиком содержит выводные знания.

Но здесь встает другой вопрос: что же собой представляют эти выводные знания, как они получаются, что они выражают? Выводные знания имеют дело с выводным миром, который, по мнению Рассела, представляет собой некую структуру, лишенную качества. «Не всегда осмысливается, — пишет он, — каким чрезвычайно абстрактным является сообщение, которое теоретическая физика

^{*} *Russell B. My Philosophical Development. London, 1959. P. 22–23.*

должна давать. Она создает определенные уравнения, которые дают возможность ей иметь дело с логическими структурами событий, в то время как она оставляет совсем неизвестным то, что составляет внутренне присущий характер событий, которые имеют структуру. Мы только знаем внутренне присущий характер событий, когда они случаются с нами. Ничего, однако, в теоретической физике не дает нам возможности сказать относительно внутреннего характера событий где-либо. Они могут быть точно такими событиями, которые случаются в нас, или могут быть совершенно другими, настолько, что точно нельзя представить. Все, что физика дает нам, есть определенные уравнения, дающие абстрактные свойства их изменений. Но что касается того, что именно изменяется *от* и *к*, — что касается этого, физика молчит^{*}. Рассел поясняет, что выводной мир, с которым имеет дело физика, — это мир, конструируемый самим физиком подобно тому, как мы получаем знания о звезде посредством фотона, пересекающего пространство и ударяющегося о наш глаз. Между тем, что происходит в глазу человека, как это описывает физиолог, и тем, что мы видим, имеется колоссальная разница, говорит Рассел. Но мы принимаем это как видение звезды, мы делаем вывод о том, что мы видим звезду.

Если научные теории, по Расселу, не соответствуют тому, что, возможно, существует вне человека, то может создаться впечатление, что это что-то вне человека для Рассела все же существует. Иллюзии на этот счет скоро рассеиваются, если посмотреть, как он понимает непосредственно данное знание. Дело все в том, что непосредственно данное знание, по его мнению, есть знание, составленное из чувственных восприятий, при этом органы чувств человека имеют дело не с миром, существующим объективно и независимо от человека, а с «данными», которые представляют собой нечто другое. Еще в «Истории западной философии» Рассел стремился доказать, что то, что мы называем «видение Солнца» или «видение Луны», возникает оттого, что наш глаз приходит в соприкосновение с чем-то таким, чего нет нигде, кроме как здесь в связи с нашим глазом. Позже, в «Человеческом познании», Рассел дает описание того, что надо понимать под «видением стола». («Когда я имею переживание, называемое «видением стола», видимый стол имеет прежде всего положение в пространстве моего мгновенного зрительного поля. Затем посредством имеющихся в опыте корреляций он получает положение в пространстве, охватывающем все мои восприятия. Далее посредством физических законов он коррелятивно связывается с каким-либо местом в физическом пространстве-времени, имен-

---

^{*} Ibid. P. 17–18.

но с местом, занимаемым физическим столом. Наконец посредством физиологических законов он относится к другому месту в физическом пространстве-времени, именно к месту, занимаемому моим мозгом как физическим объектом» *.)

Такое весьма запутанное описание потребовалось Расселу для того, чтобы под видом научного решения вопроса познания преподнести то, что в свое время писали Беркли, Мах, то есть свести стол, существующий вне человека, к совокупности ощущений субъекта. Это становится очевидным, если посмотреть, что понимает Рассел под «пространством моего зрительного поля». «Пространство моего зрительного поля» есть так называемое частное пространство, а это последнее рассматривается Расселом как пространство, не существующее вне субъекта, то есть оно выступает как ощущение, восприятие, как нечто внутреннее данного субъекта.

Больше того, сам мозг он сводит к совокупности мыслей, к субъективному: «Фактически я утверждаю, что мозг состоит из мыслей». «На это, — справедливо замечает Рассел, — люди ответят: “Бесмыслица!” Я могу видеть мозг через микроскоп, и я могу видеть, что он не состоит из мыслей, но из материи, точно так же, как столы и стулья состоят из материи». «Это является явным заблуждением, — продолжает Рассел. — То, что вы видите, когда вы смотрите на мозг через микроскоп, есть часть вашего частного мира. Он есть действие в вас длительного причинного процесса, начинающегося от мозга, на который, по вашим словам, вы смотрите. Мозг, на который вы, по вашим словам, смотрите, без сомнения есть часть физического мира, но он не является мозгом, который дан в вашем опыте. *Этот* мозг является отдаленным действием физического мозга. И если место событий в физическом пространстве-времени должно быть вызвано, как я отмечал, причинными отношениями, тогда ваше восприятие, которое происходит после событий в глазу и оптическом нерве, ведущих в мозг, должно быть расположено в вашем мозгу». И далее Рассел делает окончательный вывод: «То, что я указывал, состоит в том, что мы *можем* видеть или наблюдать лишь то, что происходит в наших головах, и мы не можем быть свидетелями чего-то иного вообще» **.

Приведенные рассуждения Рассела убедительно показывают, что обращение к науке, упоминание физического мира, физического тела потребовалось ему для прикрытия своих субъективно-идеалистических утверждений, для сведения объективного мира, предмета познания к ощущениям, для протаскивания идеализма,

* Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957. С. 256–257.

** Russell B. My Philosophical Development. London, 1959. P. 25–26.

под покровом научности и приемлемой для ученого и здравого смысла терминологии. Следует для большей ясности здесь добавить, что физический мир он обычно сводит к миру физики, а последний толкует как мир выводной, то есть субъективизирует его, сводит к совокупности мыслей.

Во всех своих рассуждениях Рассел сводит мир к ощущениям, к субъективному, и ничто не может скрыть этот факт. В самом деле, рассматривается ли им мир физики или мир психологии — в том и другом случае речь идет только об ощущениях. Так называемый мир психологии для него есть частный мир, а этот последний и есть ощущения одного человека. Мир физики — это мир выводной, который представляет собой совокупность сходных ощущений многих людей. Якобы только в силу того, что бывают случаи, когда ощущения людей совпадают, можно говорить о мире физики. Именно тогда, по мнению Рассела, люди приходят к выводу, что мир есть, хотя ничего из его частей воспринимать нельзя.

Все приведенные высказывания Рассела есть не что иное, как отрицание материального мира и сведение его к субъективному. Мир выступает у него зависимым от человека и не существующим до человека. Отсюда и наука, по Расселу, занимается не изучением объективно существующего материального мира, а изучением только ощущений. <...>

Во всех положениях Рассела, как и во всех теориях субъективных идеалистов, на первое место ставится ощущение, из которого выводится физический мир, а затем уже речь идет о познании этого выведенного мира. Иначе говоря, речь идет о познании созданного самим идеалистом мира ощущений, за которыми нет ничего объективного, не зависящего от человека и человечества. Если С. Л. Франк преподносил свои воззрения как «научную картину мира», то Рассел называет свои рассуждения нейтральным монизмом в противовес материалистическому и идеалистическому монизму. В самом названии «нейтральный монизм» уже видна претензия на то, что данная философия якобы превзошла материализм и идеализм, стоит над ними. Из рассмотренного выше, однако, видно, что это совсем не так. К тому, что было уже сказано, можно добавить еще один факт. Рассел в книге «Мое философское развитие», чтобы быть более доходчивым, рассматривает пример, на котором стремится показать, как следует понимать то, что дает нейтральный монизм. Он проводит аналогию между почтовым справочником и процессом познания. В справочнике, пишет он, люди классифицируются по двум признакам: алфавитному и географическому. В первом случае соседями данного человека являются те, кто ближе подходит к нему по алфавиту, во втором случае — те, кто живет ближе, чьи двери

ближе. Равным образом ощущение может быть сгруппировано с рядом других событий путем звена — памяти, в котором оно становится частью сознания; или ощущение может быть сгруппировано с его причинными предшественниками, тогда оно кажется частью мира. «Становится возможным, — делает вывод Рассел, — рассматривать как сознание, так и кусок материи как логические конструкции, составленные из материалов, не отличающихся жизненно и иногда действительно идентичных. Становится возможным думать, что то, что физиолог рассматривает как материю в мозгу, в действительности составлено из мысли и чувств и что различие между сознанием и материей есть просто различие устройства»^{*}.

Как говорят, что хотел, то и получил. Поставив перед собой цель показать, что существует философия, которая является монистической нейтральной, стоит выше дуализма, материализма и идеализма, Рассел пришел к субъективному идеализму махистского и берклианского толка, ибо принятие за предмет познания чувственных данных или ощущений есть сведение всего мира к ощущениям, к чувственным восприятиям, что делали и его предшественники. Надо отдать должное Расселу, что он иногда бывает довольно ясным в своих выводах. Так, подводя итог своим рассуждениям относительно теории, которую он предлагает, Рассел пишет: «Имеется три ключевых пункта в изложенной выше теории. Первый состоит в том, что сущности, которые имеют место в математической физике, не являются частью вещества мира, а являются конструкциями, составленными из событий и взятыми как единицы для удобства математика. Второй состоит в том, что все, что мы воспринимаем без вывода, принадлежит к нашему частному миру. В этом я согласен с Беркли. Звездное небо, которое мы знаем в зрительном ощущении, находится внутри нас. Внешнее звездное небо, в которое мы верим, является выведенным. Третий пункт состоит в том, что причинные линии, которые дают нам возможность знать различие объектов, если есть какие-то линии где-либо, способны иссякнуть, подобно рекам в песке. Вот почему мы не воспринимаем все во все времена»^{**}.

Здесь Рассел идет против науки во всем: теоретическую физику он представляет, как то, где все зависит лишь от субъективного, ибо, по его мнению, все подчинено удобству физика и математика. Будучи сам математиком, он сводит математику на положение предмета, который не имеет никакого отношения к окружающему человека миру и содержание которого определяется только внутренней логикой математики. Рассел игнорирует всю историю развития математики в угоду своей «теории», совершенно пренебрегает

* Ibid. P. 139.

** Ibid. P. 27.

тем историческим фактом, что математика родилась в связи с развитием человеческой практики, в связи с потребностью вести счет предметам, с которыми человек имел дело в своей производственной деятельности, в связи с необходимостью измерять земельные участки. Он не хочет признать и того, что современная математика позволяет познавать закономерности природы благодаря тому, что ее понятия, ее символы, формулы являются абстракциями высшего порядка от действительности. Если бы это было не так, то теоретическая физика, или, как он ее называет, математическая физика, не привела бы человека к извлечению атомной, ядерной энергии и практическому ее использованию. Расселу должно быть известно, что мы имеем много случаев, когда в исследовании с помощью математики предсказывалось существование закономерностей природы, частиц материи, еще не известных человеку, которые затем в процессе практики, эксперимента открывались. Так, например, было с открытием электромагнитного поля, микрочастицы позитрон. Все это не может не свидетельствовать о том, что математика отражает закономерности материального мира и что математическая физика представляет собой науку, отражающую закономерности объективно существующего физического, материального мира, микромира, и ее законы, положения выражают объективно действующие в природе законы, свойства, качественные и количественные отношения предметов этого мира. Следовательно, содержание теоретической физики продиктовано не удобством ученого, а теми закономерностями, процессами, с которыми имеет дело теоретический физик при исследовании природы. Именно поэтому теоретическая физика не может быть произвольной конструкцией.

Во втором своем выводе Рассел прав, когда говорит, что философские рассуждения, сводящие мир к ощущениям человека, совпадают с рассуждениями епископа Беркли. Соглашаясь с тем, что все воспринятое человеком без вывода принадлежит к частному миру человека и что Беркли правильно называл это ощущением, Рассел тем самым выдает себя с головой. Все дело в том, что остальной мир, выводной мир, введением которого Рассел хочет отличить себя от Беркли, на самом деле является тоже ощущением, и это не трудно увидеть. Ведь мир выводной представляет собой совокупность частных пространств и времен, заключающих в себе частные миры или события, а они являются ощущениями. Следовательно, физический мир, выводной мир для Рассела есть совокупность ощущений многих людей, а не одного человека. Разъясняя различие между психологией и физикой, он ясно показывает, что физический мир есть мир ощущений многих людей, тогда как мир ощущений одного человека составляет то, что можно назвать психическим явлением,

или миром психологии. «Часто бывает, — пишет Рассел, — однако, такое близкое сходство между одновременными восприятиями разных людей, что на ничтожные различия можно для многих целей не обращать внимания; в таких случаях мы говорим, что все эти люди воспринимают одно и то же явление, и мы относим такое явление к миру общественному, но не личному. Такие явления суть данные физики, тогда как явления, не имеющие такого общественного характера, являются (как я полагаю) данными психологии. Согласно этому взгляду, данное для физики представляет собой нечто абстрагированное от системы взаимосвязанных психологических данных»*.

Таким образом, прежде существует психическое, из которого выводится «физическое», что и составляет предмет физики. Не физический мир, существующий независимо от сознания людей, а чувственные восприятия являются предметом физики как науки. Еще раньше Рассел говорил о том, что физика делает мир менее психическим, а психология делает его менее материальным. Так якобы они приходят к тому, что предметом их познания выступают некие нейтральные сущности, которые являются событиями. Этим Рассел хочет избежать солипсизма, который так выпирал у Беркли и который показывал на явную абсурдность рассуждений епископа. Делая предметом физики выводной мир, Рассел тем самым за предмет физики берет совокупность ощущений, что полностью соответствует теории махизма.

Здесь это сравнение необходимо было дать не для того, чтобы приклеить ярлык к взглядам Рассела, а с тем, чтобы подчеркнуть, что Рассел оказал правду, когда писал в работе «Мое философское развитие», что на первый взгляд рассуждения Маха ему казались странными и поэтому он долго к ним привыкал. Однако, как видим, он не только к ним привык, но стал их страстным проповедником, преподнося их под видом нейтрального монизма, рекомендуя свою философию как такую, в которой преодолены материализм и идеализм, дух и материя. Но и Мах претендовал на нейтральность.

В третьем выводе Рассел, вероятно, для того, чтобы не так явно выступал идеализм, создает видимость, что признает причинность, но к концу своих рассуждений по этому поводу приходит к полному ее отрицанию. Иначе и не могло быть, ибо признание объективности причинности означало бы признание материальности мира, чего идеалист не может допустить <...>

При выяснении вопроса, как представители неопозитивизма понимают предмет познания, нельзя не сказать еще об одном приеме

---

* Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957. С. 79.

сведения материального мира к совокупности ощущений, которым они пользуются под видом стремления «преодолеть дуализм духа и материи» и «достигнуть монизма».

Рассел в своей книге «Человеческое познание» пишет: «То, что можно сказать о чисто физическом мире, является гипотетическим, поскольку физика не дает нам никаких сведений ни о чем, кроме структуры. Но имеются основания для предположения, что в каждом месте в физическом пространстве-времени в каждый момент имеется такое же множество событий, какое имеет место и в сознании»*. Здесь ясно сказано, что множество событий в сознании определяет такое же множество событий в физическом мире. Несколько дальше он продолжает: «Избегая спекуляций, касающихся физического мира, в отношении которого наше знание очень ограничено, вернемся к миру опыта. Взгляд, который я предлагаю, как заслуживающий предпочтения перед допущением таких совершенно лишенных цвета индивидуальных явлений, как точки пространства или частицы материи, может быть выражен следующим образом. Существует отношение, которое я называю “существованием” и которое имеет место между двумя или более качествами, когда одно лицо переживает их одновременно, например, между высоким звуком “до” (звук “С”) и ярко-красным цветом, когда вы слышите первый и видите второй. Мы можем образовать группы качеств, имеющие следующие два свойства: а) все члены группы являются сосуществующими; б) если дано что-либо не являющееся членом группы, то имеется по крайней мере один член группы, с которым оно не будет сосуществующим. Всякая такая полная группа сосуществующих качеств образует единое сложное целое, определяемое, когда даны его составные части, но представляющее само по себе некую единицу, а не класс. Отсюда ясно, что это есть нечто, существующее не только потому, что существуют его составные части, но и потому, что в силу своего сосуществования эти элементы образуют единую структуру. Одна такая структура, когда она состоит из психических элементов, может быть названа “полным мгновенным опытом”**.

Итак, «полный мгновенный опыт» есть совокупность психических элементов. Это признание Рассела позволяет видеть, что новое понятие «комплексы сосуществования», которое он вводит, является попыткой под новым названием дать читателю старую-престарую субъективно-идеалистическую теорию.

В самом деле, Рассел предлагает читателю рассматривать не физический мир, а опыт, потому что мы якобы слишком мало имеем ясности о физическом мире. Каждый наблюдатель имеет свое зри-

* Там же. С. 332.

** Там же. С. 333.

тельное поле, которое очень изменчиво. Наблюдатель, занимая различные положения, никогда не сможет видеть того же самого явления, тем более никогда два человека не смогут наблюдать тот же самый процесс, хотя они и стремятся наблюдать его одновременно. Следовательно, каждый наблюдатель имеет свой «мгновенный опыт», то есть имеет совокупность своих психических элементов. «Полный мгновенный опыт» как структура имеет некоторую последовательность во времени, что позволяет сконструировать определенную последовательность. С другой стороны, если человек что-то видит и в то же самое время слышит, то он имеет зрительные и слуховые восприятия, которые, согласно теории Рассела, находятся друг к другу в отношении сосуществования. Но при этом человек может вспоминать то, что было вчера, и думать о том, что будет завтра. Все эти переживания составляют «полный комплекс сосуществования». «Если в тот же самый момент я вспоминаю нечто, случившееся вчера, и ожидаю со страхом предстоящего визита к зубному врачу, то мое воспоминание и ожидание, — пишет Рассел, — также “сосуществуют” с моим зрительным и слуховым впечатлением. Мы можем идти дальше в образовании целой группы моих настоящих переживаний и всего того, что сосуществует со всеми ними»^{*}.

Выходит, что «полный комплекс сосуществования», есть не что иное, как комплекс переживаний, впечатлений человека в процессе его «Мгновенных опытов». Выходит также, что так называемые комплексы сосуществования есть совокупности качеств, но не физических, материальных предметов с их качествами и свойствами. В свою очередь данная совокупность качеств есть переживания, впечатления человека в процессе мгновенных опытов. Рассматривая понятие «конкретный пример», Рассел разъясняет, что «пример» того или иного качества есть комплекс сосуществующих качеств. Только совокупность качеств делает пример единственным. Человек представляет собой также совокупность многих качеств, и человечность является только одним из многих качеств. То же самое можно применить и к пространству, пространственному положению. «В каждый момент то, что находится в центре моего зрительного поля, — говорит Рассел, — имеет качество, которое может быть названо “центральнойностью”; то, что находится направо от него, является “правым”, а что находится налево — “левым”, то, что находится выше, — “верхним”, а что ниже — “нижним”. Все это — *качества* зрительных данных, а не отношений. Именно комплекс, состоящий из одного из таких качеств в соединении с цветом, отличается от другого комплекса, содержащего тот же цвет в другом месте. Короче,

---

^{*} Там же. С. 330.

множество примеров данного цвета образуется точно так же, как образуется и множество примеров человеческого существа, именно посредством добавления других качеств»^{*}.

Яснее трудно показать, что для Рассела пространство тоже есть совокупность зрительных данных качеств, таких, как «центральность», «правое», «левое», «нижнее», «верхнее», но не отношение вещей, расположенных в объективно существующем пространстве, не пространственное отношение предметов, находящихся вне нашего сознания. Что именно так Рассел понимает пространство и время, можно видеть из того, что для него отношение раньше-позже есть то, что имеет место между двумя комплексами сосуществования, а, как было выяснено раньше, «комплексы сосуществования» есть совокупность чувственных восприятий, совокупность психического.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что Рассел предметы, вещи, процессы рассматривает не как такие, которые существуют объективно в объективном пространстве и времени, но как комплексы чувственных восприятий, как субъективное, зависящее от человека. Сам человек сводится, согласно этой теории, к комплексу сосуществования качеств, иначе говоря, к комплексу чувственных восприятий другого человека. Именно об этом и говорит Рассел, подытоживая свои рассуждения. «Согласно вышеизложенной теории, — заключает он, — комплекс сосуществования, который не повторяется, становится на место, традиционно занимаемое “особенным”; один такой комплекс или нить таких комплексов, причинно связанных определенным образом, представляет собой определенного рода объект, которому условно принято давать собственное имя»^{**} <...>

Рассел под предлогом преодоления дуализма духа и материи выдвинул, как известно, теорию нейтрального монизма, и, как это нередко бывает с претендентами на нейтральность, его теория целиком направлена на защиту идеализма. Сказать, что сознание, мысль входит в число составляющих событий, образующих мозг, и означает утверждать, что мозг есть сама мысль. Дело все в том, что события он рассматривает также как субъективное, ибо для него нет никакой разницы между физическими и психическими событиями. Даже там, говорит Рассел, где нет никакого мозга, нет никакого доказательства против того, что события, предметы являются мыслями.

Разъясняя понятие «структура», Рассел говорит о том, что все в мире состоит из структуры: предложения, сам человек, его кости, молекулы, атомы и т. д. Различные науки изучают эту структуру. Физика, например, изучает структуру атома, но беда вся в том, заме-

^{*} Там же. С. 334–335.

^{**} Там же. С. 343.

чает он, что она не идет дальше таких простых частиц, как электрон, и других простых частиц. «Мы, — пишет Рассел, — будем иметь случай предложить разложение физических сущностей на структуры событий и даже события, как я попробую показать, могут успешно рассматриваться как имеющие структуру»*.

Естественно возникает вопрос: что же Рассел понимает под событиями, из которых состоят элементарные частицы, мозг, к чему сводится все окружающее? В той же книге «Человеческое познание» он определяет «событие» как совокупность сосуществующих качеств, иначе говоря, событие выступает у него как субъективное, как ощущения человека. Вот что он пишет по этому поводу: «“Событие” может быть определено как законченная совокупность сосуществующих качеств, то есть как совокупность, имеющая два свойства: (1) что все качества совокупности сосуществуют и (2) что ничто вне совокупности не сосуществует с *каждым* членом совокупности»**.

Итак, мозг, предметы, вещи, физический мир в целом есть структуры событий, а события представляют комплексы сосуществующих качеств, которые являются не чем иным, как ощущениями. И после всего этого Рассел претендует на нейтральность <...>

Сводя ощущения только к внутреннему, к тому, что происходит внутри человеческого тела, Рассел лишает человека возможности знать мир, и наука строится им на основе либо эмпирических данных при помощи психологических законов, либо исходя из неких априорных положений, взятых из сознания человека вне всякой связи с самой действительностью, вне связи с самой жизнью.

Б. Рассел стремится показать, что каждая наука имеет минимальный словарь, из которого выводятся все предложения, составляющие данную науку, и в этот словарь в случае эмпирических наук, подобно астрономии, физике, должны входить слова, описывающие наши опыты. По его убеждению, наличие таких слов спасает от платонизма. Только в таком случае слова, предложения приобретают значения, смысл чего якобы не хочет признать Карнап. Однако, говоря о значении слов и смысле предложений, он имеет в виду лишь необходимость придать определенную значимость своей философии, пытается показать, что его философия имеет дело с самой действительностью, что нейтральный монизм представляет научную философию.

На самом же деле в философии Рассела все обстоит совсем не так. Минимальный словарь, о котором говорит он, представляет собой собрание слов, терминов, имеющих свойства, характерные для данной науки. Так, для географии, по его мнению, достаточно иметь два сло-

* Там же. С. 284.

** Там же. С. 117.

ва, чтобы выразить все знания человека о поверхности Земли или, как он сам говорит, чтобы сделать географию наукой о поверхности Земли, а не какого-нибудь другого сфероида. Этими словами являются «Гринвич» и «Северный полюс». Остальное в географии может быть определено с помощью химии, физики или геометрии. Астрономия тоже имеет свой минимальный словарь, который по мере ее развития сокращается, ибо, по мнению Рассела, можно освободиться от многих собственных имен и давать им определения через другие слова. В результате, говорит он, можно будет обходиться такими двумя словами, как «Солнце» и «Сириус», или какими-либо другими. Физику он ставит в особое положение, как науку, которая доступна проверке. Он полагает, что она пользуется различными эмпирическими понятиями как добавлениями к абстрактным понятиям, имеющимся у «чистой» физики. Эмпирические понятия должны выражать в физике ее связь с действительностью. Но и у физики имеется свой минимальный словарь, который включает слова, позволяющие описывать наш собственный опыт. Все то, что не вошло в наш опыт, должно быть описано с помощью минимального словаря путем обозначения определенных. Для физики как эмпирической науки минимальный словарь должен содержать слова, позволяющие упоминать, об опытах, на которых основываются наши физические верования. «Нам понадобятся такие слова, — говорит Рассел, — как “горячий”, “красный”, “твердый”, не только для описания того, что физика утверждает как состояние тел, дающее нам эти ощущения, но также для описания самих ощущений»^{*}.

Из приведенного следует, что в минимальном словаре даются названия качеств нашего опыта. Кроме того, необходимо еще иметь слова, которые бы позволяли выражать встречающиеся в опыте отношения, как, например, «направо — налево» в *одном* зрительном опыте и «раньше — позже» в *одном* настоящем. Минимальный словарь, из которого выводится вся наука, представляет собой, по мнению Рассела, совокупность понятий, позволяющих описывать наши ощущения, наш чувственный опыт и в зависимости от этого объяснять или описывать явления мира. «Из этого следует, — заключает Рассел, — что минимальный словарь для выражения того, что входит в опыт, есть минимальный словарь для всего нашего знания»^{**}.

Таким образом, все сводится к описанию собственного опыта, то есть ощущений человека, и изобретенные понятия предназначаются для обозначения этих ощущений, а не выводятся из них, не рассматриваются как результаты взаимодействия органов чувств и мозга человека, познающего материальный мир.

* Там же. С. 283.

** Там же. С. 300.

Все подобные рассуждения Рассела о минимальном словаре показывают, что принятие минимального словаря позволяет лучше прикрывать идеалистическую сущность понимания Расселом науки как такой, которая не связана с материальным миром и не выражает закономерности объективно существующих материальных процессов, но составлена через определения различных терминов на основе принятого минимального словаря.

При чтении книг Рассела, где ведутся подобные рассуждения, перед читателем встают вопросы: как же возникает минимальный словарь? Если все остальные понятия, употребляемые в той или другой науке, определяются через другие понятия, не входящие в минимальный словарь, то откуда взяты эти определяющие понятия? Отражают ли они процессы материального мира или нет? Ведь значение того или иного слова, понятия приобретает в связи с познанием человеком какой-то новой стороны объективного мира. Именно потому, что каждое понятие отражает материальные процессы, оно имеет значение, и предложения, составленные из таких понятий, приобретают смысл только тогда, когда они отражают события, происходящие в объективном, материальном мире <...>

Рассел, например, делит знание на непосредственное и выводное, а науки — на априорные и на такие, которые содержат выводное знание.

Рассматривая непосредственное или прямое знание как знание, основанное на ощущениях и чувственных восприятиях, и высказывая последним явное недоверие, выражая сомнение относительно их достоверности, Рассел полагает, что научное знание не может на них основываться. Научным знанием, говорит он, является знание выводное. Уже то, что Рассел ощущения, восприятия рассматривает как такие, которые в сущности никакого знания о мире нам не дают, потому что они якобы имеют дело либо только с самими собой, либо с такими добавлениями (в случае восприятия), которые не всегда достоверны, свидетельствует, что выводное знание не исходит из чувственных восприятий, из ощущений. Имея в виду, что невыводное знание получается из двух источников — ощущения и воспоминания, он пишет: «Из них ощущение является более основным, поскольку мы можем вспомнить только то, что было чувственным опытом. Но, хотя ощущение и есть *источник* познания само по себе, оно не является — в любом обычном смысле — познанием. Когда мы говорим о “познании”, мы обычно подразумеваем различие между познающим и тем, что познается, тогда как в ощущении нет такого различия. “Восприятие” в том смысле, в каком это слово употребляется большинством психологов, имеет познавательную природу, но это происходит благодаря тем добавлениям, которые присоеди-

няются к чистому ощущению опытом или, возможно, врожденным предрасположением <...> как психологическое событие восприятие есть простой факт, но такой, который может и не быть правдивым в отношении того, что он добавляет к ощущению»*. Здесь Рассел ощущение берет за источник познания, рассматривая его как целиком субъективное, совершенно не зависящее от материального мира. За пределами ощущения нет ничего. Одновременно Рассел горюпится признать, что оно не авторитетно для целей научного познания. Поэтому он обращается к чувственному восприятию. Но ведь чувственное восприятие опирается на ощущения, значит, согласно его рассуждениям, можно уже из этого видеть, что доверять и чувственному восприятию нельзя. Однако Рассел дает дополнительное «обоснование» тезису, что чувственное восприятие не может служить источником знания.

Восприятие, по мнению Рассела, всегда связано только с мозгом человека, хотя, отмечает он, нам кажется, что оно возникает при воздействии физических предметов. Дело все в том, говорит Рассел, что если мы рассматриваем причинные цепи, идущие от физического объекта к субъекту, то нам кажется, и об этом говорит физика, что, например, в случае видения Солнца или какого-то предмета свет от данного предмета попадает в глаз субъекта без всяких помех. Однако это происходит совсем не так. Свет идет без помех до встречи с предметами. После такой встречи все идет по-другому. Происходит преломление и отражение, рассеивание света, которое не всегда дает одни только сведения о данном предмете, например, о Солнце. При этом имеет место такое переплетение процессов, что мы больше видим другие предметы, чем Солнце. «Из всего сказанного явствует, — делает вывод Рассел, — что отношение восприятия к физическому объекту, о котором мы думаем, что мы его воспринимаем, оказывается неясным, приблизительным и в какой-то мере неопределенным. Не существует *точно*го смысла высказывания, утверждающего, что мы воспринимаем физические объекты»**. Но и это еще не все.

Если физические предметы имеются, то мы не всегда их воспринимаем одинаковыми, говорит Рассел: иногда мы видим Солнце уголком глаза, и оно нам кажется другим, чем когда мы его видим, смотря прямо; иногда мы можем перекосить глаз таким образом, что нам будет видно два Солнца; близорукий человек и дальнорезкий будут видеть предметы по-разному. Все это позволяет, по мнению Рассела, предполагать, что физические предметы совсем иные, чем наши восприятия. Итог, к которому он приходит, состоит в том, что

* Там же. С. 456.

** Там же. С. 240.

восприятия не могут служить источником научного знания. Правда, Рассел оставляет некоторую надежду у читателя на то, что воспоминания еще могут что-то дать человеку для знания мира. Но эта надежда скоро исчезает потому, что воспоминания, по его мнению, дают что-то достоверное о прошлом, а прошлое, оказывается, выступает как чувственный факт, как чувственный опыт, то есть как чувственное восприятие, которому Рассел отказал в достоверности. «В отношении воспоминания определение “истины” и, следовательно, “знания” заключается в сходстве настоящего воображения с прошлым чувственным опытом, — пишет он. — Способность обрабатывать настоящие и будущие факты при некоторых обстоятельствах может быть подтверждающей, но никогда не может определить, что мы имеем в виду, когда мы говорим, что определенное воспоминание является “знанием”»*. Отсюда можно заключить, что невыгодное, прямое знание, собственно, и не является знанием человека о мире. Оно является его внутренним чувственным опытом, не имеющим отношения к объективному миру. Выражаясь языком Рассела, можно сказать, что для него знание, полученное без вывода, принадлежит к нашему частному миру как знание, заключенное в нас <...>

Все эти рассуждения Рассела являются образцом софистики и эклектики. Здесь смешивается правда с явным вымыслом, и, конечно, это делается для того, чтобы любыми средствами показать, что научные теории являются плодом мыслей ученых и что их нельзя принимать за истину, ибо, по его мнению, они часто имеют много ошибочного, и поэтому следует научные теории рассматривать как гипотетические.

В этом очень хорошо выражено стремление Рассела посеять у человека недоверие к возможности познавать окружающий его материальный мир. Именно здесь Рассел в наукообразных нарядах преподносит агностицизм и идеализм в единстве, ибо не признавать за научной теорией истины и рассматривать ее как произвольную конструкцию, созданную субъектом, или не признавать существования материальных процессов, приблизительно верной копией которых и является научная теория, означает идеализм и агностицизм.

Правдой в рассуждениях Рассела является то, что нельзя научные знания рассматривать, как только ощущения, чувственные восприятия. Научная теория, как уже было показано выше, является результатом вывода, но вывода, сделанного на основании того, что дают нам наши органы чувств, наши приборы, которыми человек пользуется при исследовании процессов природы. Научное знание является выводным не потому, что оно конструируется ученым про-

---

* Там же. С. 457.

извольно вне самой действительности и вне показаний наших органов чувств, не потому также, что предметом научных теорий якобы являются структуры, выведенные субъектом из своей головы, как это утверждает Рассел, но потому, что наши органы чувств дают нам лишь отдельные сведения о единичных вещах и процессах, происходящих в сложном материальном мире, ибо они не в состоянии раскрыть глубокую сущность процессов, скрывающихся за явлениями. Сила мышления, разума человека и состоит в том, что она может через абстрагирующую свою деятельность проникнуть за явления и познать сущность.

Аналитико-синтезирующая деятельность человеческого мозга под влиянием объективно протекающих процессов природы, которые проникают в него через органы чувств, позволяет человеку раскрыть глубокие закономерности материального мира. И в этом смысле научные знания являются выводными знаниями. Здесь мы видим не отрыв чувственного знания, или, как его Рассел называет, знания невыводного, от знания научного, или, пользуясь терминологией Рассела, от знания выводного, а тесную их связь. Эта связь видна, если исходить из признания существования объективного мира со всем его многообразием, сложностью и свойствами нашей центральной нервной системы отражать материальный мир. Всякая попытка объяснить существо научных теорий, процесс их получения вне признания материальности мира неизбежно ведет к отрыву чувственного от рационального, к искаженному представлению процесса познания как ничего общего не имеющего с тем, что есть в действительности.

Человек часто знает о многих телах и явлениях материального мира косвенно, через показания приборов, которые испытывают на себе действия данных тел и предметов, явлений. Например, показания спектроскопов позволяют судить о химическом составе звезд, удаленных от Земли на большие расстояния, делать заключения об их температурах, сроках жизни и т. д. Уверенность в правильности выводов, сделанных на основе анализа результатов эксперимента, дает нам практика. Человек в практической деятельности в земных условиях получает спектры различных элементов, их соединений, спектры тел, газов при разных температурах, поэтому полученные данные при наблюдении звезд могут быть сравнены с имеющимися в земных условиях. Такое сравнение позволяет делать правильные выводы о химических свойствах тех удаленных тел, которые мы не можем «держать в руках». Сделанные выводы, однако, несколько не колеблют уверенности человека, что эти тела существуют вне нас и независимо от нашего сознания. Наоборот, они придают еще большую уверенность, что такие тела действительно

существуют и что при дальнейшем развитии науки и техники люди могут познать мир и в том числе познать звезды лучше, всесторонне.

Нельзя с Расселом согласиться и в том, что физика якобы имеет дело целиком с выводным миром потому, что протоны, электроны, фотоны и другие микрочастицы прямо не воспринимаются, и они, согласно утверждению Рассела, представляют вид гипотетических сущностей. Здесь Рассел грешит против науки. Если ученые смогли не только открыть такие частицы, изучить многие их свойства, но и ставить их в комбинации и сочетания, которые дают желаемые действия, например, протекание определенных ядерных реакций, распознавание с помощью меченых атомов органических процессов у животных и растений, вызывание искусственной радиоактивности и другое, то это уже свидетельствует о том, что такие частицы существуют реально, но не гипотетически.

Никто из ученых не будет возражать против утверждения Рассела, что человеческий организм, в том числе глаз, зрительный нерв, мозг, состоит из тех же элементарных частиц, что и обычное вещество. Но нельзя с ним согласиться в той части его рассуждений, где он на этой основе приходит к выводу, что именно поэтому человеческий зрительный аппарат не может воспринимать такие частицы, как электрон, позитрон и др. Дело все в том, что, как показывает наука, соотношение и структура взаимосвязей этих частиц в органической и неорганической материи глубоко различны. Это и придает им специфику, особенность. Успехи, достигнутые биохимиками в получении многих органических веществ, свидетельствуют об этом. И именно потому, что органическая материя имеет иные взаимосвязи тех же самых частиц, чем обычные тела неорганического мира, она обладает особым свойством отражать материальный мир, а наличие у человека такого вида высокоорганизованной материи, как мозг, позволяет глубоко проникать в сущность процессов, явлений, вещей.

Конечно, электроны, протоны, фотоны и другие микрочастицы представляют вид реальности, отличающийся по своим свойствам от обычных макротел, с которыми человек имеет дело в повседневной жизни. Но это совсем не означает, что люди не могут их познавать, а следовательно, что микрочастицы не существуют объективно. Выше было показано, что элементарные частицы не только открыты, известны как реально существующие, но с каждым днем, в связи с развитием техники эксперимента, все больше познаются их свойства, и они наиболее успешно используются человеком в практической его жизни. Приведенные рассуждения потребовались Расселу для того, чтобы принизить роль науки в жизни общества, свети науку на уровень гипотезы.

Рассел прав в том, что научные теории могут изменяться, но это совсем не означает, что они носят гипотетический характер. Он не хочет или не может отличать первые шаги ученых в раскрытии новых процессов в природе, которые действительно связаны с истолкованием показаний наших органов чувств и приборов, в том числе и показаний фотопластинок, от второго этапа в работе ученого, когда созданная теория тщательно проверяется и, будучи подтвержденной новыми экспериментами, наблюдениями над процессами, протекающими непосредственно в природе, входит в науку как научная теория. В первом случае созданная теория носит гипотетический характер, а во втором она уже является научной теорией, ибо практика показала ее соответствие процессам, протекающим в природе, в самой действительности <...>

Рассел в работе «Мое философское развитие» отводит специальную главу, где рассматривается определение истины. В ней он выясняет эволюцию своего понимания истины, историю того, каких он взглядов придерживался относительно данного вопроса на протяжении своего философского развития. Такая постановка вопроса Расселом дает возможность лучше понять его настоящую точку зрения.

Ссылаясь на свою работу «Исследование о смысле и истине»*, Рассел говорит о том, что в период ее написания он придерживался взгляда, что истина всегда связана с верой и выражает веру, вера же в свою очередь связана с фактом или фактами. И поэтому определение истины упирается в определение того, что такое вера. «Проблема определения “истины”, следовательно, состоит из двух частей, — пишет он, — первая — анализ того, что обозначается путем “веры”, и затем исследование отношения между верой и фактом, который делает веру правильной. Вера, как я понимал термин, является состоянием организма, не включающим ее очень прямого отношения к факту или фактам, которые делают веру правильной или ошибочной»**. Здесь Рассел прежде всего имеет в виду предложения, которые могут быть различными по форме, будучи выраженными на разных языках, но утверждают одно и то же. Предложение «Кайзер умер» может быть дано на многих языках и иметь различную форму, но всюду в нем будет выражено то, что «Кайзер умер». Предложения могут быть использованы для повеления, вопроса, желания, но с точки зрения теории познания и определения истины они, по мнению Рассела, являются предложениями, выражающими веру, которая является важной.

* В русском переводе вышла в свет под заглавием «Исследование значения и истины» (М., 1999). — *Прим. науч. ред.*

** *Russell B. My Philosophical Development. London, 1959. P. 183.*

Но вера, говорит Рассел, может быть и бессловесной (вера животного, ожидающего добычи). Вера может быть выражена предложением «Может произойти удар», когда человек видит, что дверь открывается ветром, но она может быть выражена соответствующим состоянием тела человека без выражения этой веры словами.

Во всех рассмотренных примерах Рассел стремится подойти к определению истины как веры, но в одном случае он рассматривает ее в связи с определенным предложением, что-то выражающим, а в другом — в связи с определенным внутренним состоянием организма. В том и другом случаях, указывает Рассел, он начинает исследование истины с простых фактов, что якобы и является самым верным способом. Он критикует некоторых философов за то, что они пытаются исследовать понятие истины на таких сложных положениях, как закон тяготения, квантовая теория, суждения о существовании бога и т. д.

Все приведенное здесь из работы «Исследование о смысле и истине» было принято за основу в работе «Человеческое познание». Этой точки зрения на истину Рассел придерживается и сейчас.

В «Человеческом познании» Рассел рассматривает всюду опять-таки предложения простого типа, вроде «А есть муж В», «В есть жена А», «А женат на В», «В замужем за А», как такие, которые имеют одно и то же значение, и отмечает, что все эти предложения должны быть либо истинны, либо ложны, так как они выражают одно значение. Значение же таких предложений, говорит Рассел, определяется по их отношению к фактам, следовательно, то, что делает предложение истинным или ложным, является фактом, а то, что утверждаемое предложение выражает, есть вера. Все подобные предложения он и рассматривает как фактические истины, ибо они относятся к одному или нескольким фактам. Истинным он считает то предложение, которое описывает факт; утверждение, которое не описывает факта, Рассел называет ложным.

Несколькими страницами дальше он разбирает предложения, которые якобы связаны уже с логическими словами, так как их истинность или ложность зависит от предложений, из которых они составлены. Если атомарные предложения, из которых состоит молекулярное предложение, истинны, то и молекулярное предложение, составленное из них, будет истинным, и в этом случае не требуется для подтверждения никаких других данных, отличных от веры. Например, если простое предложение «Р» истинно и другое предложение «q» истинно, то составленное из них предложение типа «Р» и «q» истинно. По Расселу, истинность более сложного молекулярного предложения вытекает автоматически из истинности его составляющих (атомарных) простых предложений. Подобные предло-

жения можно составить при помощи других логических слов, таких, как «не», «или», «все» «некоторые» и др.

При чтении подобных рассуждений Рассела возникают вопросы: отчего круг его исследования вопроса истины ограничивается такими, ничего не значащими примерами? Почему, рассмотрев простые примеры, он не переходит к выяснению понимания истины научных положений?

Ответ на эти вопросы может быть только один — целью его рассуждений является доказательство, что законы науки представляются собой гипотезы, а не истины, ибо они не могут быть непосредственно подтверждены фактами, иначе говоря, они не могут быть фактическими истинами, не могут быть верами. На странице 178-й «Человеческого познания» он так и пишет: «Законы же физики являются частично тавтологиями, но в самых важных своих частях — гипотезами, которые объясняют большое количество подчиненных им индукций».

Это его стремление особенно обнаруживается при выяснении, что такое факт, вера, истина, познание.

К фактам Рассел относит, как он говорит, все, что имеется во Вселенной. Солнце — факт, Цезарь перешел Рубикон — факт, мое утверждение о чем-то тоже есть факт. Под понятие «факт» подводятся не только предметы, вещи, события материального мира, но и утверждения людей, содержания которых могут быть верными или ложными, то есть понятие «факт» охватывает не только объективные процессы, но и субъективные. «Под “фактом”, — пишет Рассел, — я имею в виду нечто имеющееся налицо, независимо от того, признают его таковым или нет»*. Например, расписание движения поездов есть факт, независимо от того, происходит ли по нему отправление поездов или нет. Согласно Расселу, фактом можно назвать утверждение, что существует крылатый человек, если оно где-то записано, независимо от того, есть ли на самом деле такой человек объективно.

Факт у Рассела играет большую роль в определении истины как свойства веры. Смешивая же вместе под видом факта субъективное и объективное, он тем самым создает все условия для того, чтобы признать истинным то, что не имеет объективного содержания. Иначе говоря, исходя из такого произвольного, субъективистского толкования факта, Рассел может любое высказывание превратить в истину. Следуя ему, любой мракобес выдаст свои рассуждения о боге, чертях, ведьмах за истину, потому что они записаны в священных писаниях.

---

* Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957. С. 178.

Вера, говорит Рассел, обладает присущей ей неопределенностью, причина которой лежит в непрерывности умственного развития. Вера присуща животным и человеку. Она может быть словесной и телесной. «Я, — пишет он, — предлагаю поэтому трактовать веру как нечто такое, что может иметь доинтеллектуальный характер и что может проявляться в поведении животных <...> Вера, как я понимаю этот термин, есть определенное состояние или тела, или сознания, или и того и другого. Чтобы избежать многословия, я буду называть ее состоянием организма и буду игнорировать разницу между телесными и психическими факторами»^{*}.

Человек может верить слову, животное верит, когда ожидает добычу, ребенок верит, ожидая игрушки, и т. д. Во что же верят? — ставит сам Рассел вопрос и отвечает: то, во что верят, когда организм находится в состоянии веры, оказывается обычно не совсем ясным. Задача науки и философии, по его мнению, и состоит в том, чтобы выработать определенные правила или изобрести определенную технику, которая позволила бы уменьшить эту неясность, хотя и при этом, говорит он, неясности останутся. Причина такой неясности им усматривается в том, что сам мир в своей физической основе запутан, ибо его можно рассматривать либо непрерывным, либо дискретным. Теоретическая возможность или невозможность полной точности зависит от того, каким является мир — дискретным или непрерывным. А так как этот вопрос решить нельзя, говорит Рассел, то неясности всегда будут оставаться.

Как видно из приведенных рассуждений, Рассел веру (от чего зависит, по его мнению, определение истины) толкует весьма неопределенно, рассматривает как нечто неточное и неопределенное и уже этим ставит под сомнение зависимую от нее истину. Это сомнение с дальнейшими рассуждениями все больше усиливается и перерастает в полный агностицизм.

«Истинность, — пишет Рассел, — есть свойство веры и, как производное, свойство предложений, выражающих веру. Истина заключается в определенном отношении между верой и одним или более фактами, иными, чем сама вера <...> Предложение может быть названо “истинным” или “ложным”, даже если никто в него не верит, однако при том условии, что если бы кто-нибудь в него поверил, то эта вера оказалась бы истинной или ложной, смотря по обстоятельствам»^{**}.

Рассмотренные рассуждения Рассела по поводу истины, веры, фактов и его определение истины через веру и факты являются образцом эклектики и софистики, которыми, как правило, пользу-

* Там же. С. 179.

** Там же. С. 182.

ются неопозитивисты для протаскивания идеализма. В этом определении так соединены понятия веры и истины, что они не могут привести к правильному определению истины в силу уже того, что вера не всегда связана со знанием достоверных событий, процессов, происходящих в объективном мире. Само понятие «вера» может предполагать самые разные связи и отношения, вплоть до веры людей в самые невероятные рассказы пропагандистов религии.

С научной точки зрения, понятие истины всегда связано с определенным знанием объективного мира, с содержанием мыслей и представлений человека, которые правильно отражают закономерности в природе и обществе. Если же речь все-таки должна идти о соотношении веры и истины, то вера по крайней мере должна зависеть от истины, потому что в научном смысле слова верить можно лишь в то, что достоверно, истинно, в то, что подтверждено практикой. Перестановка зависимости этих двух понятий, как это сделал Рассел, позволяет ему подвести под истину самые невероятные рассуждения, которые никакого отношения не имеют к действительному научному пониманию истины.

Софизмом является бесконечная ссылка Рассела на факты, ибо такими фактами у него выступают предложения, высказывания, построенные по определенному образцу, что является сугубо субъективным и произвольным, потому что проверить их истинность совершенно невозможно. Чем, как не софизмом, можно назвать его рассуждения, что истинность или ложность определяются в зависимости от веры, а последняя в свою очередь зависит от того, может ли кто-то в нее поверить. Достаточно немного вдуматься в это определение истины Расселом, чтобы увидеть весь субъективизм, надуманность, софизм его рассуждений, ничего не имеющих общего с наукой <...>

Сомнения Рассела, переходящие в абсолютный агностицизм, проводятся им также путем рассуждений, что факты могут быть разные: такие, которые мы имеем в нашем опыте, и такие, которые мы можем только вообразить. Если, например, исходить из признания, что физический мир существует независимо от восприятия и что он может иметь определенное структурное сходство с миром наших восприятий, то это означает, поясняет Рассел, что «упорядочивающие отношения терминов, в которых определяется структура, являются такими же пространственно-временными отношениями, какие нам известны по нашему собственному опыту». Однако признание возможности что-то знать о мире, выраженное в такой замысловатой форме, сводится им на нет замечанием, что при этом мы ничего не знаем о качественной стороне явлений. Мы что-то знаем о структуре, а она никак не связана с качеством. Таким образом, здесь исти-

на связывается Расселом только с количеством. |Но такая постановка равносильна отрицанию возможности познания, ибо не существует объективных материальных процессов с их закономерностями вне их качества, как нет количества, как такового, вне качества.

Рассмотренное позволяет видеть, что трактовка Расселом так называемой фактической истины либо держит читателя на поверхности явления и тем ставит преграду движению в глубь явления, к раскрытию закономерностей материальных процессов, к познанию законов, либо связывает познание только с познанием количественной определенности физического мира, познанием так называемой структуры, что равносильно отрицанию возможности познать мир. Фактическая истина Рассела есть не что иное, как предложения, в которых зафиксированы ощущения субъекта типа «я чувствую тепло» или «я вижу кошку».

Кроме фактической истины, Рассел рассматривает еще логическую истину, под которой имеет в виду истину, связанную с логической формой веры. Человек может верить в общие положения, которые могут соответствовать воображаемым общим обстоятельствам, но не конкретным фактам, как это было в случае фактической истины, говорит он. Можно иметь предложения типа «Электроны существуют, но они не могут быть восприняты», которые мы понимаем, хотя, говорит Рассел, мы и не знаем к чему относится слово «электрон». Понятными такие предложения, подчеркивает он, становятся благодаря тому, что мы можем вообразить себе обстоятельства, которые могли бы сделать их истинными.

Рассуждения Рассела по поводу данного вида истины сводятся к логическим построениям предложений при помощи известных слов и определенных синтаксических правил таким способом, чтобы они были понятными, тогда как проверить их истинность невозможно в силу того, что нет общих фактов, а вообразить можно только общие обстоятельства, но не общие факты. Нельзя, например, вообразить какого-либо конкретного факта: «*n* есть число, о котором никто никогда не подумает», — пишет Рассел в подтверждение своих рассуждений. Логическая истина, следовательно, совершенно обособлена от чувственного знания людей. Она строится на соединении определенных слов по определенным правилам, не заботясь о правильности содержания.

В такой трактовке логической формы веры, а следовательно, и истины, не так трудно увидеть стремление Рассела свести все обобщающие положения науки к гипотетическим по содержанию, хотя и верным по форме в силу их правильного синтаксического построения. Здесь проповедь агностицизма выступает еще более очевидно, ибо сказать, что общее положение ничему не соответствует, кроме

как возможному воображению определенных обстоятельств, означает признать, что мы ничего не можем знать, кроме своих собственных мыслей, воображений. Рассел такими рассуждениями ставит под сомнение всю науку, ибо она не останавливается на частностях и отдельных фактах, но идет к обобщениям, делает выводы на основе анализа частностей, раскрывает законы <...>

Можно также согласиться с Расселом, когда он в «Человеческом познании» пишет, что «в установлении научных законов опыт играет двойную роль. С одной стороны, через наблюдение наличия или отсутствия предсказанных гипотезой следствий опыт или ясно подтверждает или опровергает гипотезу, а с другой стороны, прежний опыт определяет, какую гипотезу мы предварительно считаем вероятной»*. Здесь опыт у Рассела выступает как источник получения знаний через выдвижение на его основе соответствующих гипотез, так и критерием истинности выдвинутой гипотезы. Но все это вдруг Расселом разрушается, когда мы читаем на той же странице: «Наш опыт будет тем же самым независимо от того, имеются ли на самом деле звуковые волны или же имеют место слуховые ощущения, как если бы звуковые волны существовали, хотя они на самом деле и не существуют»**. Там же он говорит о знаниях, которые получаются не через опыт, а при помощи вероятного вывода. Как бы продолжая свои рассуждения в работе «Мое философское развитие», Рассел пишет, что «есть формы вероятного вывода, которые должны быть приняты, хотя они не могут быть *доказаны* опытом»***.

Как видим, здесь смешано все: правильное понимание места, опыта в познании как исходного в получении знаний и как критерия; правильное понимание опыта, хотя и ограниченное, как воздействия внешнего мира на человека; но вместе с тем здесь же изложено явно идеалистическое представление познания и опыта, что якобы знание может быть получено с помощью априорных правил вывода, которые не исходят из опыта и не проверяются опытом; и делается самое неожиданное заключение, что опыт может быть и без воздействия внешнего мира на человека. На этом примере хорошо видно, как философ-идеалист пускает в ход оружие софизма с тем, чтобы через смешение правильного и ложного толкования понятия можно было бы переходить от материализма к идеализму и при этом делать вид, что ведется борьба против идеализма. Понятие «опыт» используется Расселом для протаскивания идеализма и агностицизма в науку.

* Там же. С. 349.

** Там же. С. 349.

*** *Russell B. My Philosophical Development. London, 1959. P. 132.*